

военной литературѣ, такъ и въ трудахъ по политической исторіи Россіи,—только самые рѣшительные выводы, характеризующіе и армію, и ея главнокомандующихъ, во время Русско-Прусской войны 1756—1763 гг., съ невозможно худшей стороны. Только храбрость и стойкость войскъ, сравнительно съ прежними достоинствами русской арміи, остались неприкосновенны; чему много способствовало то обстоятельство, что эти коренные залюги побѣды выдвинулись, въ арміи временъ Елизаветы, настолько впередъ, что привели въ удивленіе и Фридриха Великаго, и самихъ нѣмцевъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ русская армія елизаветинскихъ временъ и состояніе военного искусства въ Россіи—представляются въ какомъ-то чудовищномъ видѣ.

Дурная молва о состояніи русской арміи, установленная иностранными писателями, засвидѣтельствованная А. Т. Болотовымъ, скрѣпленная г. Семевскимъ (разбиравшимъ начало похода, яко-бы по подлиннымъ документамъ русскаго военного архива), подтверждается нашими писателями при каждомъ удобномъ случаѣ, не смотря на появленіе въ печати документовъ, которые не даютъ права на подобные выводы.

Между тѣмъ наступило время пользоваться специальными трудами по исторіи военного искусства въ Россіи. Изученію исторіи войнъ Россіи въ настоящее время дано столь прочное основаніе, что и въ будущемъ надо ожидать лишь развитія этихъ основаній.

Въ военныхъ училищахъ устанавливается курсъ русской военной исторіи и по тѣмъ замѣчательнымъ цѣлямъ преподаванія, которыя указаны программой, нельзя сомнѣваться въ важныхъ результатахъ, которые будутъ достигнуты.

Сдѣлавъ обязательнымъ для военныхъ училищъ изученіе русской военной исторіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней, тотъ же предметъ, само собой слѣдуетъ,—долженъ получить широкое развитіе и въ военной академіи.

Затѣмъ, педагогическія задачи, поставленныя военнымъ училищамъ при прохожденіи курса военной исторіи, такъ важны, что въ томъ или другомъ видѣ ихъ придется примѣнить и къ военнымъ школамъ 2-го разряда, т. е. окружнымъ.

Военнымъ училищамъ, при прохожденіи курса русской военной исторіи, ставится задачею: «раскрыть передъ будущими офицерами русской арміи, въ живыхъ увлекательныхъ образахъ, оказанныя услуги сею арміею, приводившею въ исполненіе предначертанія ея Вѣщеносныхъ Вождей». Изученіемъ образцовыхъ примѣровъ—способствовать развитію въ обучающихся—*стойкости характера, самоотверженія, храбрости, настойчивости въ стремленіи къ достиженію разѣ поставленной цѣли*. Наконецъ, систематическое прохожденіе курса военной исторіи признано необходимымъ «какъ потому, что офицеру русской арміи слѣдуетъ знать ея прожитое прошлое, такъ и потому, что столь необходимая для воина любовь къ военной службѣ болѣе всего укрѣпляется и развивается въ учащихся изъ ясно и правильно сознаннаго значенія великихъ заслугъ арміи на пользу ея отечества и почетнаго званія воина».

Смѣемъ думать, что столь важныя военно-педагогическія задачи должны быть поставлены и военнымъ школамъ 2-го разряда. Юнкерскія училища должны имѣть, въ принципѣ, тѣ же самыя задачи не только потому, что они комплектуютъ большую часть офицеровъ арміи, но и потому, что живой, увлекательный, родной примѣръ на ученикахъ юнкерскихъ школъ,—менѣе подготовленныхъ къ усвоенію теоретическихъ заключеній и выводовъ,—долженъ оставить весьма прочный практическій слѣдъ на первыхъ юныхъ впечатлѣніяхъ, влияющихъ какъ на правильное познаніе могущественнаго нравственнаго элемента, такъ и специально въ научномъ отношеніи.

Очевидно, что указанныя военно-педагогическія задачи не могут быть оставлены безъ вниманія при разсмотрѣніи также вопроса и о самообразованіи офицеровъ. Не нужно доказательствъ, что въ этомъ случаѣ исторія отечественныхъ войнъ должна занять видное мѣсто.

Наконецъ въ настоящее время возникаетъ совершенно особый отдѣлъ военно-исторической литературы—исторія полковъ. Значеніе подобныхъ военно-историческихъ трудовъ оцѣнено по достоинству, и конечно нельзя сомнѣваться въ той существенной, практической пользѣ, которую приносятъ подобнаго рода военно-историческіе труды. Изъ исторіи своего полка (раціонально составленной) офицеры могутъ узнать массу живыхъ примѣровъ боевой и домашней жизни и разныхъ военно-административныхъ порядковъ, поучительныхъ какъ въ положительномъ, такъ иногда и въ отрицательномъ отношеніи. Ни одно общее описаніе войнъ, никакой курсъ и учебникъ не могутъ представить такой массы самыхъ разнообразныхъ тактическихъ примѣровъ (при достаточномъ общемъ стратегическомъ очеркѣ), каковы могутъ быть въ исторіи отдѣльной части.

Все это показываетъ, что въ военно-историческихъ матеріалахъ отечественныхъ войнъ русская военная литература вообще серьезно нуждается, и въ особенности это касается до войнъ Россіи съ великимъ полководцемъ прошлаго столѣтія—Фридрихомъ Великимъ.

Если вѣрить общему отзыву историковъ, судившихъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ со словъ иностранцевъ и по свидѣтельству участника «въ кровавыхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками», «необыкновенно искренняго, проникнутаго любовью къ правдѣ и дорогому отечеству» ¹⁾ извѣстнаго Болотова, то періодъ Семилѣтней войны скорѣе есть отрица-

¹⁾ Записки А. Т. Болотова; характеристика автора записокъ, данная г. Семевскимъ.

тельно поучительный. Нельзя разяснять, напимѣрь, въ школахъ, молодымъ людямъ, причины неблагопріятныхъ для арміи общихъ выводовъ историковъ тѣмъ, что будто бы со смертію Петра Великаго «русская армія, забывъ уроки Вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданіямъ старины, строилась на манеръ побѣждаемыхъ турокъ»; что «прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіатской необузданности»; что «русскія войска были грозою мирныхъ жителей, грабили, опустошали страну (Пруссію); что побѣды надъ Фридрихомъ «одержаны были какъ бы невзначай». Нельзя этого приводить ни въ одной изъ школъ уже по одному тому, что въ дѣйствительности всего сказаннаго, о состояніи и дѣйствіяхъ русской арміи въ Семилѣтнюю войну—мы сами не увѣрены. Гдѣ факты? Имѣемъ ли мы право, въ этомъ случаѣ, сослаться хотя бы на авторитетнаго историка, разъ если (къ величайшему сожалѣнію) онъ въ подтвержденіи своихъ столь крайнихъ заключеній говоритъ, напимѣрь, что «такъ пишеть (такъ характеризуетъ нашу армію) современникъ Семилѣтней войны А. Т. Болотовъ» ²⁾.

Что, напимѣрь, должны внести составители исторіи полковъ на страницы своихъ полковыхъ хроникъ изъ дѣйствій ихъ однополчанъ въ Семилѣтнюю войну? Періодъ полного упадка внутренняго порядка? Положимъ, выдающаяся храбрость русскихъ войскъ ни кѣмъ не опровергается, но какъ тогда согласовать: съ одной стороны полное отсутствіе внутренняго порядка, а съ другой—побѣда надъ войсками, предводительствуемыми великимъ полководцемъ? Несообразность очевидная, которая на каждомъ шагу проглядываетъ въ тѣхъ же пресловутыхъ запискахъ Болотова.

Что должны отмѣтить полки объ искусствѣ ихъ полковыхъ командировъ на поляхъ Гр. Егерсдорфа, Цорндорфа,

²⁾ Русская армія въ вѣтъ императрицы Екатерины II Богдановича.

Пальцига, Франкфурта и подъ Берлиномъ, если отнесутся съ довѣріемъ къ выводамъ нашихъ русскихъ писателей? Распоряженія ихъ полковниковъ должны явиться не образцами искусства, а удачами *«какъ бы невзначай»*.

Конечно для получившихъ законченное образованіе и воспитаніе офицеровъ полка важно знать правдивое прошлое, которое одно и поучаетъ насъ, а не читать и изучать хвалебный панегирикъ. Но при существующихъ у насъ взглядахъ на войну съ Фридрихомъ II, каждое слово, сказанное въ разрѣзъ съ установившимся мнѣніемъ о современномъ тому состояніи у насъ военного искусства, малѣйшая неосторожность выражений и доводовъ, все это одно будетъ подрывать вѣру въ самое изслѣдованіе, въ смыслъ стремленія обѣлить дѣло.

Между тѣмъ при болѣе серьезномъ знакомствѣ съ предметомъ есть очень много данныхъ заподозрить правильность установившагося взгляда на русскую армію въ Семилѣтнюю войну.

1) Самъ Болотовъ (свидѣтельство котораго разбирается нами ниже) не представлялъ упадокъ дисциплины въ той мѣрѣ, какъ это выставлено, для большей рельефности, критическими статьями и общими выводами писателей.

2) Свидѣтельство Болотова ни коимъ образомъ не можетъ относиться до войнъ 1758—1762 гг. Съ начала 1758 года Болотовъ былъ уже въ Кенигсбергѣ и въ составѣ дѣйствующей арміи не былъ; а слѣдовательно все имъ сказанное, какъ свидѣтельство очевидца, — можетъ быть отнесено только къ походу Апраксина. Это крайне важное обстоятельство остается совершенно незамѣченнымъ.

3) Во время слѣдованія Литвою (отдѣльныхъ отрядовъ) и при квартированіи войскъ въ Пруссіи (во время Фермора) постоянно требовались квитанціи отъ мѣстныхъ властей о